

© ЭО, 2003 г., № 4

М.М. Керимова

СЕМЬЯ ЭТНОГРАФОВ ХАРУЗИНЫХ И ИХ ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ*

Цель этой статьи – дать обзор обнаруженной нами в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) переписки Харузиных со многими видными представителями русской и зарубежной научной мысли.

Письма, дневники, воспоминания – жанры документальные, подвластные лишь законам памяти автора, его умению рассказать о происходящих событиях. Часто рукописные материалы, содержащие уникальные сведения и факты, надолго, иногда на столетия оседают в архивах. Между тем, эти субъективные документы (в том числе письма) весьма ценны и актуальны для современных исследователей жизни и творчества ученых, писателей, художников. Эпистолярное наследие замечательной семьи талантливых российских этнографов Харузиных особенно важно, поскольку анализ их научной деятельности до недавнего времени не привлекал внимание отечественных ученых.

Выходцы из богатой купеческой семьи: три брата – Михаил Николаевич (1860–1888), Николай Николаевич (1865–1900), Алексей Николаевич (1864–1932) и их сестра Вера Николаевна (1866–1931) – навсегда связали свою судьбу с этнографией. Их перу принадлежит более 300 опубликованных работ (монументальных исследований, статей, очерков, рецензий, рассказов), ценность которых трудно оспорить и в наши дни. Библиотека Харузиных (вернее всего часть ее) насчитывает 7449 книг и хранится в Отделе редких книг Московского государственного университета.

Исключительно дружные в жизни и работе, братья и сестра всегда помогали друг другу советами, делились планами, вместе не раз ездили в научные экспедиции. Очень часто их многогранные исследовательские интересы перекрещивались: они увлекались одинаковыми или близкими темами и проблемами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья.

Глава этой незаурядной семьи – Николай Иванович Харузин (1831–1880) – рано оставшись сиротой, перебрался из Сибири в Москву, где продолжил дело отца – занялся торговлей текстилем. Огромное трудолюбие и смекалка принесли свои плоды – Николай Иванович стал одним из крупных скупщиков продукции Трехгорной мануфактуры. В 1873 г. он получил звание купца первой гильдии. Женился Николай Иванович по любви на купеческой дочери Марии Михайловне Милютиной и имел трех сыновей и трех дочерей (дочь Ольга умерла четырех лет от роду, Елена – по мужу Арандаренко – скончалась в 1924 г.). Николай Иванович принадлежал к «новому» купечеству второй половины XIX в., которому довелось пережить сложные процессы социальной и культурной трансформации.

В числе знакомых Харузиных были Боткины, Алексеевы, Прохоровы, Третьяковы, Щукины. Одно уже это в немалой степени повлияло на духовную атмосферу в

---

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Из истории российской этнографической науки конца XIX – первой трети XX в. Жизнь и творчество этнографов Харузиных» при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-00246а).

семье Харузиных, для которой были характерны отход от патриархальных устоев московского купечества, тяга к образованию, интерес к наукам и искусству. Посещение театров, музеев, выставок, чтение книг были любимыми занятиями Марии Михайловны Харузиной и ее детей. Как вспоминала Вера Харузина, среди братьев и сестер существовал «широкий дух терпимости» к любой религии, «дух критики», «постепенно слабли наружные узы религиозности, обрядность отступала, посещения церкви, пощения стали необязательными»¹.

Родители тщательно подбирали учителей, солидные учебные заведения. Вера закончила с золотой медалью лучшую в Москве частную женскую гимназию С.Н. Фишер, братья (кроме Николая, обучавшегося в 4-й московской мужской гимназии) – прославленную гимназию в Ревеле.

Старший из братьев, Михаил, проживший всего 28 лет, успел оставить заметный след в науке. Еще будучи студентом юридического факультета Московского университета, М.Н. Харузин – ученик проф. М.М. Ковалевского – был избран секретарем Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете. Свою книгу «Сведения о казачьих общинах на Дону» (1885) Михаил посвятил «неутомимому борцу за русское народное самосознание И.С. Аксакову», с которым был близко знаком. Аксаков называл Михаила самым убежденным из московских славянофилов и подарил ему книгу с надписью: «последнему славянофилу М.Н. Харузину», и, как пишет В.Н. Харузина, «он был, пожалуй, прав: благородное, идеалистическое направление в славянофильствующей мысли тогда угасало»². В 1887 г. Михаил начинает службу в Ревеле чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе. С интересом изучает он жизнь крестьянского населения Эстляндии и даже пишет исторический очерк «Балтийская конституция» и другие статьи. За год до смерти, по поручению ИОЛЕАЭ, он составил чрезвычайно ценную в научном отношении «Программу для собирания сведений об юридических обычаях» (1887, 335 с.). Благодаря Михаилу братья и Вера знакомятся с трудами В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, Д.Н. Анучина и других ученых, составивших впоследствии круг их постоянного общения.

Николай Харузин, скончавшийся в 35 лет, оставил немало ценных научных трудов. Он изучал обычное право народов Севера и Кавказа, религиозные верования и материальную культуру финнов, тюркских и монгольских народов России. Большой известностью при жизни Николая пользовалась не утратившая своей ценности до сих пор его монография «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта» (1890), награжденная серебряной медалью ИОЛЕАЭ. В многочисленных экспедициях (1886–1896 гг.) по Олонецкой и Архангельской губерниям, Прибалтике, Новороссии, Кавказу и Сибири он собирает богатый этнографический материал, послуживший основой для самых разнообразных работ по изучению быта крестьянского населения России, истории развития жилища нерусских народностей и др. За свою недолгую жизнь Николай Харузин успел опубликовать около 30 трудов, многие из которых стали классикой отечественной этнографии. Вспоминая его, В.Ф. Миллер писал: «Грустно мне было проводить в 1900 г. молодого деятельного ученика, оставившего своими многочисленными трудами крупный след в русской этнографии»³. Увлеченность Николая не знала границ: он изучал право, этнографию, археологию, архивное и музейное дело. Научную работу сочетал со службой в архиве Министерства юстиции и в Российском Историческом музее (ныне – ГИМ).

Вера, беззаветно любившая брата и часто сопровождавшая его в поездках, гордилась его непреклонной волей, исключительной преданностью науке (часто за счет здоровья), добросовестностью во всем, что он делал и что ему поручали. Чрезвычайно мягкий и отзывчивый человек, Н.Н. Харузин никому не отказывал в помощи, добивался денежных пособий для нуждающихся студентов.

Будучи с сестрами во Франции и Германии (1891–1893 гг.), Н.Н. Харузин без устали читал труды западных ученых, посещал различные лекции, изучал музейные собрания и часто жаловался близким, что ему не хватает времени и сил объять необъятное. С 1889 по 1900 г. (с перерывами из-за недомоганий) он выполнял работу секретаря Эт-

нографического отдела ИОЛЕАЭ, был одним из основателей (официально ими были В.Ф. Миллер, В.В. Богданов, Н.А. Янчук), составителем программы и редактором первого русского этнографического журнала «Этнографическое обозрение»⁴.

Много усилий, нервов и трудов стоило ему осуществление мечты заниматься этнографией. Только в 1893 г. он сдал экзамены на филологическом факультете Юрьевского (Дерптского) университета на степень кандидата по этнографическо-географическим наукам. Известно, что до начала XX в. в России отсутствовали кафедры этнографии, «этнография не была предметом специального обучения» ни в одном из российских университетов⁵. Только в 1885 г. Министерство народного просвещения разрешило читать лекции по этнографии, включая их в курсы антропологии, истории, филологии. Н.Н. Харузин при содействии В.Ф. Миллера получает право с 1898 г. впервые вести курс лекций по этнографии сначала в Лазаревском институте восточных языков, а затем в Московском университете. К сожалению, он не успел их издать. За него это сделали Вера и Алексей: они подготовили лекции к печати, снабдив их примечаниями и библиографией⁶.

«Университетом» для Веры Харузиной были ее братья (она не имела высшего образования). Они с радостью опекали сестру, помогали ей в поездках и учебе. Несмотря на множество болезней и утрат близких, благодаря мужеству, необыкновенному упорству и любви к науке Вера Николаевна стала первой русской женщиной, получившей звание профессора этнографии. С 1907 г. она начинает читать лекции по этнографии на Высших женских курсах и в Московском археологическом институте, а в советское время (до 1923 г.) – в Московском университете. Ее лекции составили книги «Этнография» (Вып. 1–2. М., 1909–1914) и «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара» (издано посмертно. – М., 1941).

Свое кредо Вера Николаевна изложила в первой лекции, прочитанной ею в 1907 г. в Москве: «Всякая наука движется умами смелыми и светлыми, освещающими лишь некоторое пространство вперед на предстоящем великом пути. Так работала этнография, и к такой работе призывает она всех своих приверженцев»⁷. Самой В.Н. Харузиной были присущи ясный ум, незаурядная эрудиция, блестящий стиль, умение четко и предельно доступно излагать мысли и наблюдения. Все эти черты обозначились в ее трудах, воспоминаниях, рассказах; их отмечали ее современники и последующие исследователи.

Спектр этнографических интересов Харузиной был чрезвычайно велик. Это историческое развитие этнографии как науки в России и на Западе, материальная и духовная культура народов мира, быт и обычаи, верования малых народов Русского Севера (почитание огня у русских и инородцев, родильные и крестильные обряды). По последним двум темам В.Н. Харузиной были составлены программы (для сбора полевых материалов), при этом каждая из них имела анкету почти в 300 вопросов. Ей принадлежали статьи «Заметки о крестьянском жилище в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии» (1905), «Заметки по поводу употребления слова фетишизм» (1908), «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни» (1912) и многие другие, очерки «Вотяки» (1898), «Лопари» (1902), «Крайна» (1902), «Юкагиры» (1904), «Тунгусы» (1928).

Фольклор и мифология тоже занимали большое место в научной деятельности В.Н. Харузиной. Она составила и опубликовала сборники сказок разных народов: «Сказки русских инородцев (с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями)» (1898), «Африканские сказки» (1919). В рукописях остались труды Харузиной – «Мифы из Южной Америки», «Чудовищное в фантастике и культовых представлениях малокультурных народов» и др. Не будет преувеличением назвать ее талантливым прозаиком. Она – автор рассказов и сказочных повестей «Царевна – каменное сердечко» (1899), «Друзья. Картинки из жизни словенских детей» (1909), «Оцзи и Олесь. Рассказ из жизни лопарей» (1912), «Тунгусенок Михайло» (1928). Блестящее беллетристическое дарование В.Н. Харузиной отразилось и в ее мемуарах «Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет», рукопись которых была обнаружена нами в ОПИ ГИМ (Ф. 81. Д. 77–82, в настоящее время опубликована). Рисуя соб-

Михаил Николаевич Харузин

Алексей Николаевич Харузин

Николай Николаевич Харузин

Вера Николаевна Харузина

ственную жизнь и атмосферу дома Харузиных, Вера Николаевна отдает себе отчет в том, что ее воспоминания интересны прежде всего потому, что они отражают «различные веяния, увлечения, заблуждения и идеалы своей эпохи»⁸. Перед читателем возникает целостная картина московской жизни 1860–1880-х годов, многокрасочность живописных уголков Москвы и Подмосковья.

После смерти Михаила и Николая опорой Веры оставался Алексей, человек яркой и в то же время трагической судьбы. Довольно подробный очерк его жизни и творчества опубликован в книге «Репрессированные этнографы»⁹. Здесь мы кратко остановимся на основных вехах его деятельности.

После окончания физико-математического факультета Московского университета (1889) и получения степени магистра зоологии Дерптского университета (1892)

А.Н. Харузин был определен на службу чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе. Его послужной список настолько велик и впечатляющ, что мы обозначим лишь некоторые его передвижения по службе: коллежский ассессор (1897), надворный советник (1900), помощник начальника переселенческого управления Министерства внутренних дел (1902), губернатор Бессарабии (1906), директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (1908), товарищ министра внутренних дел А.А. Макарова (1911), гофмейстер императорского двора с оставлением в должности сенатора (1913) и др. Неоднократно награждался орденами, медалями, высочайшими наградами за безупречную службу. Однако, по свидетельству покойной родственницы Харузиных И.Е. Огневой¹⁰, за несколько лет до революции 1917 г. А.Н. Харузин подал в отставку из-за «несогласия с царской политикой того времени и, в частности, с политикой министра Макарова». После революции А.Н. Харузин работал в Тульской губ. на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции. Из-за болезни жены, баронессы Н.В. фон дер Ховен (дочь адмирала В. Ховена) в 1924 г. возвратился в Москву. Работал консультантом в «Сельхозгизе», опубликовал около 20 работ по садоводству и огородничеству.

Огромная государственная деятельность сочеталась у А.Н. Харузина с не менее объемной и плодотворной научной работой. Еще будучи студентом первого курса он участвует в экспедиции по Закавказью. А в 1887 г. ИОЛЕАЭ при Московском университете направляет А.Н. Харузина в киргизскую Букеевскую степь в целях изучения этнографии и антропологии населяющих ее казахов (в конце XIX – первой четверти XX в. казахов обычно называли киргизами).

В результате двух поездок молодой ученый опубликовал семь статей и двухтомную монографию «Киргизы Букеевской орды» (Вып. I–II. М., 1889, 1891), которая была удостоена большой золотой медали Императорского Русского географического общества (ИРГО). Труд Харузина оценивали как «капитальное приобретение для антрополого-этнографической науки»¹¹.

В начале 1890-х годов А.Н. Харузин публикует много работ по разной проблематике, связанных с его службой в Эстляндской губ.

В конце 1890-х годов в его творчество входит славянская тема. Подъем национально-освободительного движения в югославянских землях вызывает огромный интерес в России.

В 1899 г. Алексей Николаевич получает пособие от ИРГО на посещение югославянских земель и прежде всего Боснии и Герцеговины. В 1901 г. выходит в свет его книга «Босния–Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии» (СПб., 1901. 305 с.). Видный историк русской культуры А.Н. Пыпин считал, что книга Харузина «принадлежит к лучшему, что было написано у нас о современной жизни славянства»¹².

Осенью 1901 г. А.Н. Харузин вместе с сестрой Верой посещает Словению (а в 1902 г. объехал один эту маленькую страну). О живом интересе ученого к истории и культуре словенцев свидетельствуют его статьи «Национальная эволюция словенцев», «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки», «Жилище словенца Верхней Крайны» и др. Увлечение проблемой крестьянского жилища нашло отражение в большой монографии «Славянское жилище в Северо-Западном крае» (1907). Д.К. Зеленин писал, что книга Харузина «принадлежит к числу редких в наше время обобщающих исследований. Ее с удовольствием и пользой прочтет всякий, кто только интересуется бытом русского народа, первобытной славянской культурой и народной архитектурой»¹³. Жизнь А.Н. Харузина закончилась трагически. После первого ареста в 1927 г. его вторично арестовывают 21 февраля 1932 г. вместе с сыном Всеволодом по обвинению в антисоветской агитации. 3 апреля 1932 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ приговаривает А.Н. Харузина по ст. 58–10 УК к высылке на три года, но 8 мая того же года он умирает от сердечной недостаточности в больнице при Бутырской тюрьме¹⁴. Трагически оборвалась и судьба младшего сына Всеволода (он погиб в лагерях), супруга А.Н. Харузина умерла в ссылке в Малоярославце, средний сын Олег умер от туберкулеза, старший Мстислав пропал без вести в эмиграции.

Обширная переписка Харузиных до сих пор не исследовалась. Между тем она является ценным дополнением к их научной деятельности, позволяет по-новому посмотреть на некоторые детали их биографии, глубже понять и осветить их творческие замыслы и проекты, а также их преподавательскую, лекционную и организаторскую работу. Тесное общение братьев и сестры с крупнейшими деятелями культуры России и Запада, отраженное в письмах, дает возможность показать их участие в процессе становления и развития этнографических знаний, характерном для второй половины XIX и первых десятилетий XX в.

Среди адресатов и корреспондентов Харузиных были крупнейшие отечественные и зарубежные ученые, общественные и культурные деятели: П.И. Астров, П.М. Богаевский, П.А. Висковатов, Б.К. Далгат, Е.Н. Елеонская, И.Е. Забелин, Д.К. Зеленин, Н.А. Иваницкий, Н.А. Крылов, Т.А. Лебединский, В.Ф. Миллер, А.Д. Солодовников, А.В. Средин, М.Н. Сперанский, Н.Ф. Сумцов, княгиня М.К. Тенишева, В.П. Тихонов, А.А. Фет, А.А. Шахматов, Е.Д. Шаховская, Е.И. Якушкин, Н.А. Янчук, болгарин Б. Боев, чех Л. Нидерле, поляк Б. Пилсудский и др.

О том, что круг общения Харузиных был очень широк, свидетельствуют и упоминания в письмах таких видных ученых, как А.Л. Гондатти (генерал-губернатор в разных сибирских губерниях, автор коллекций по Северо-Восточной Сибири), В.И. Сизов (археолог, один из основателей Российского Исторического музея), М.В. Довнар-Запольский (историк, этнограф, фольклорист, профессор истории Киевского университета), В.А. Дашков (меценат, основатель и директор Дашковского этнографического музея), И.И. Янжул (академик, известный экономист и правовед), Н.А. Аристов (историк и этнограф), Шарль Летурно (французский этнолог и социолог), Франц Гребнер (немецкий историк и этнолог), а также друзей-юристов М.Н. Харузина и др.

Немалый объем занимает личная переписка самих Харузиных и их родственников. Она содержит много сведений о взаимоотношениях в семье, раскрывает события тех лет и условия жизни до революции и после нее. (Эти материалы будут рассмотрены в итоговой статье проекта.)

К сожалению, в настоящее время нам удалось открыть лишь один пласт архивных документов (писем) в ф. 81 (Харузины) и в ф. 451 (В.Ф. Миллер) в ОПИ ГИМ, а также в разных фондах РГАЛИ (ф. 329, 427, 561). Выявление и анализ эпистолярного наследия Харузиных в других архивах Москвы и Петербурга будет продолжено.

Переписка Харузиных чрезвычайно разнообразна. В данной статье мы остановимся главным образом на письмах научного содержания. Благодаря многоплановой информации они представляют очень ценный источник по истории становления и развития отечественной этнографии изучаемого периода. В этой связи исключительно интересна переписка Н.Н. и В.Н. Харузиных с выдающимся русским ученым Всеволодом Федоровичем Миллером (1848–1913). Этнограф, археолог, филолог, фольклорист, он более 30 лет отдал Московскому университету и создал научную школу молодых этнографов. С 1884 по 1897 г. Миллер – хранитель Дашковского этнографического музея. Еще раньше, с 1881 г. он возглавляет Этнографический отдел ИОЛЕАЭ. В.Ф. Миллер – один из основателей и редакторов журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916). Как знаток индо-иранской филологии он руководит Лазаревским институтом восточных языков. В 1911 г. ему приходится покинуть Москву, так как его избирают академиком Петербургской Академии наук. Однако большая часть жизни Миллера была связана с Москвой. Его дом, как и научные учреждения, в которых он трудился, стали средой притяжения талантливейших людей России. У него собирались М.М. Ковалевский, В.О. Ключевский, Л.Н. Толстой, С.И. Танеев, В.В. Богданов и многие другие. Именно в его доме проходили так называемые этнографические пятницы. Семья Миллера тесно дружила с семьей Харузиных, а Николая Харузина ученый особо выделял среди студенческой молодежи, предвещая ему блестящее будущее.

Именно с Миллером были связаны все направления научной деятельности Н.Н. Харузина. Последний высоко ценил те знания, которые давал этнографам его любимый профессор. «Ваши слушатели (Лазаревский институт. – М.К.) оказались отзывчивы к

Вашим лекциям, – писал Н.Н. Харузин Миллеру из Парижа в ноябре 1892 г., – это еще раз убеждает в том, что интерес к народности, к ее изучению нисколько не заглох у нас, в чем, однако, нас так часто обвиняют, но вместе с тем является потребностью серьезного ее изучения, научного ее освещения...»¹⁵. Харузин сердечно благодарит Миллера за предложение стать его помощником в трудной работе председателя Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, которую безукоризненно вел ученый. «Я чувствую, – пишет он в 1900 г., – честь и доверие, которое Вы оказали мне этим и прошу Вас верить, что я употреблю все усилия, чтобы оправдать Ваше доверие...»¹⁶.

Действительно, много лет Н.Н. Харузин выполнял работу секретаря Этнографического отдела. В год своей смерти, как бы предчувствуя конец, он считает своим долгом оценить по заслугам вклад Миллера в организацию Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, сыгравшего большую роль в становлении этнографии в России. «Не Вам ли Отдел, – размышляет благодарный ученик, – обязан своим возникновением. В течение 18 лет сколько Вы вложили в него сил, энергии и любви. Вы создали Отдел, потому что только при Вас он начал работать. Мне с 1883 г. пришлось близко следить за его деятельностью, а с 1886 г. слиться с ним, и теперь сколько воспоминаний накопилось за это время. Не Вы ли умели заинтересовать нас делами Отдела, не Вы ли вселяли научное отношение к нему и не Вы ли, наконец, сеяли семена бескорыстной любви к науке, подавая своей личностью яркий пример служения науке»¹⁷.

Материалы переписки свидетельствуют о том огромном значении, которое придавалось в России журналу «Этнографическое обозрение», публиковавшему этнографические материалы самого разного характера.

С первых выпусков журнала Н.Н. Харузин был бессменным его редактором (он даже лично субсидировал первые выпуски). В письме от 1 мая 1889 г. Миллер сообщает Н.Н. Харузину: «...на днях Н.А. Конгаст печатает первый выпуск нашего журнала. Чудо вышло довольно полное и красивое, и на днях мы... выбираем для него приличную сорочку»¹⁸. Несмотря на юмор, Миллер и его соратники сознавали, что выпуск журнала сопряжен с немалыми материальными трудностями. Суммы в 301 руб., данной Харузным, не хватало.

Н.А. Янчук в письме к Н.Н. Харузину за 1889 г. пишет, что В.Ф. Миллер сетует на бедственное положение редакции и надеется на помощь В.А. Дашкова и своего друга М.М. Ковалевского, обещавшего выделить 300–400 руб. на журнал¹⁹. В этом же году Н.А. Янчук рекомендует Н.Н. Харузину обратиться к Н.Ф. Сумцову с просьбой выделить средства на издание журнала, а также просит его стать вторым редактором; дать журнал на реализацию в книжные магазины – Глазунова, Мамонтова, Карбасникова, Васильева²⁰.

А.Д. Солодовников, замещавший Н.Н. Харузина на посту секретаря «Этнографического обозрения» во время его частых отлучек из-за учебы и болезней, был очень предан своему другу и соратнику. Он не только информировал его о всех делах (состав номеров, финансы, шрифт, отношения с типографией и др.), советовался с ним, но и всегда делился разного рода новостями. Так, 18 февраля 1893 г. он поспешил обрадовать Николая похвальным отзывом о нем В.Ф. Миллера, сказавшего на одном из заседаний редколлегии, что ценит Харузина «как видного деятеля, поплатившегося даже здоровьем...» для блага общего дела²¹.

Все дела журнала Николай Харузин принимал близко к сердцу. «Он, – писала В.Н. Харузина в своем дневнике в августе 1889 г., – советует продавать журнал студентам по более низкой цене, предлагает распределить библиографию и ее составление по губерниям между молодыми сотрудниками»²². Сам Н.Н. Харузин признается своей сестре Елене в письме от 10 сентября 1898 г., что и «день своего рождения провел вот как: с утра поскакал браниться в типографию за неаккуратное печатание нашей народной этнографии (имеется в виду «Этнографическое обозрение». – М.К.). Пошел в музей и там опять возился с фотографиями, оттуда поехал в Поповский пассаж опять браниться, но уже из-за неаккуратной доставки рисунков к тому же изданию, затем писал лекции для университета, а в восьмом часу отправился к Г.А. Кожевни-

кову по делам Общества. До прихода Шекиных (родственники Харузиных. – М.К.) опять писал лекции, переделывал без конца»²³.

А.Д. Солодовников предлагал Н.Н. Харузину подумать о благотворительных публичных лекциях А.Л. Гондатти, В.Н. Тихонравова, П.Г. Виноградова и других и даже об устройстве этнографических концертов с целью сбора средств для журнала. Но журнал выдержал, и с первых же выпусков стал пользоваться популярностью не только в России, но и в зарубежных странах.

Так, в архиве Харузиных имеется несколько писем на немецком языке от известного чешского этнографа Любора Нидерле. В апреле 1898 г. он просит Н.Н. Харузину высылать ему «Этнографическое обозрение» и предлагает обмениваться книгами и журналами²⁴.

Княгиня М.К. Тенишева, с которой все Харузины были близки, просит регулярно снабжать Смоленский институт (имеются в виду В.Ж.К. в Смоленске. – М.К.) «Этнографическим обозрением»²⁵. Харузины всегда отзывались на подобные просьбы и рассылали всем, кто их просил, свой любимый журнал, служивший популяризации этнографических знаний, замыслов, проектов.

Большое значение имеют сохранившиеся в ОПИ ГИМ материалы, рассказывающие о начале преподавания этнографии как специального предмета в вузах России. Какую борьбу пришлось вести, чтобы добиться разрешения на чтение лекций в конце XIX в.! И первыми в этой схватке с Министерством народного просвещения и с профессурой некоторых вузов были В.Ф. Миллер, Н.Н. Харузин и В.Н. Харузина.

К 1899 г. относятся письма Н.Н. Харузина, свидетельствующие о его страстном желании открыть кафедры этнографии в Лазаревском институте восточных языков и Московском университете. В письме к сестре Елене он пишет: «Мой проект о введении кафедры этнографии в университете... получил движение. Это уже шаг вперед...». В другом письме к ней продолжает: «Зашел к Миллеру. Он говорит, что надеется устроить кафедру этнографии в Лазаревском институте»²⁶.

Н.Н. Харузин сетовал на то, что из-за отсутствия кафедр этнографии может получить только степень магистра географии или других естественных наук. Этнография в то время была включена в курс антропологии, который на географическом факультете Московского университета читал Д.Н. Анучин, а Петербургского – Э.Ю. Петри. В письме к Е.Н. Харузиной в 1899 г. Николай замечает: «В программе для магистерского экзамена по географии нет этнографии и в помине, если не считать антропологию, в которую может входить и известная часть этнографии»²⁷. В связи с этим Н.Н. Харузин даже хотел переехать из Москвы в Петербург, чтобы сдать экзамен по этнографии, который там принимал Э.Ю. Петри. Но Миллер его отговорил от этого и предложил читать в Лазаревском институте курсы лекций по этнографии и мусульманскому праву²⁸. И действительно, с сентября 1898 г. Н.Н. Харузин начал читать курсы по этнографии в Лазаревском институте восточных языков (бесплатно) и в Московском университете. «Миллер, – вспоминает он в письме к Е.Н. Харузиной в 1899 г., – представил меня приват-доцентом [историко-филологического факультета] Московского университета, известным этнографом. Всего в Лазаревском институте 35 студентов. Я читал 2 часа. Миллеру лекция очень понравилась, он наговорил много лестного. Теперь хочу повести лазаревцев в исторический музей, чтобы на коллекции прочесть им об археологии России»²⁹. «...Лекции мне доставляют удовольствие, – писал Н.Н. Харузин в 1898 г. в другом письме к Елене, – и теперь на третьем году чтения все больше в них втягиваешься. Все было [бы] хорошо, если бы давали что-нибудь порядочное за работу. Без денег очень скверно... Нужно написать 167 лекций о верованиях для лазаревцев, переделать университетский курс "Семья и род" и еще кое-какие мелкие работы приготовить для себя»³⁰.

Высоко ценя знания своего ученика, Миллер просил Н.Н. Харузина написать докладную записку в Министерство народного просвещения о намерении открыть кафедру этнографии, где будут читаться курсы по этнографии и географии Востока.

«Радуюсь этой мечте, – пишет Н.Н. Харузин к сестре Вере в 1898 г. – Для санкции этнографии как науки нужна кафедра, для санкции меня как этнографа нужна кафедра, я готов к ней, следовательно устраивайте кафедру для науки и для меня... Миллер считает меня достойным, это я и по совести чувствую, но, с другой стороны, невольно страшно думать, что мои мечты могут осуществиться или хотя бы начать осуществляться»³¹. К лекциям Н.Н. Харузин готовился очень серьезно. Благодаря прекрасному знанию иностранных языков он читал литературу по Китаю, Японии, Ирану, Афганистану и Малой Азии. «Сегодня (10.Х.1898), наконец, кончил изложение первобытного строя и в следующий раз перейду к первобытным верованиям. Этого курса студенты ждут с нетерпением. Поэтому особенно сильно чувствуешь свою ответственность. Пока было кажется хорошо»³². Студенты очень тепло отзывались о молодом преподавателе. «Миллер меня поблагодарил от имени студентов. Конечно, это лучшая награда и сознание, что читаешь с результатом...»³³.

Вера Николаевна тоже мечтала о лекционной работе. Она первая в России женщина-профессор этнографии, продолжает дело брата: с 1907 г. начинает читать лекции на Высших женских курсах в Москве (и одновременно периодически на В.Ж.К. в Смоленске) и в Археологическом институте, а в советское время – в Московском университете. В.Ф. Миллер берется помогать ей. В письме от 26 мая 1907 г. он сообщает ей, что на заседании историко-филологического факультета Высших женских курсов членами факультета единогласно решено поручить В.Н. Харузиной преподавание этнографии по ею же составленной программе, и «возможно, что преподаватели посетят Вашу лекцию»³⁴. В 1912 г. Миллер пишет Вере Николаевне: «Просмотрев Ваш курс лекций по этнографии, я убеждаюсь, что он значительно выиграл в новой переработке. Вы отлично сделали, что расширили вторую часть и распределили материал по материальной и духовной культуре многих народов земного шара и познакомили слушателей с научной классификацией... Ваш курс очень ценен. Он в настоящее время служит единственной связью с вопросами общей этнографии, которую я по недостатку времени не могу включить в курс моих занятий. Прочитал Вашу статью "Игрушки у малокультурных народов" и подивился обилию Ваших сведений даже в такой специальной области этнографии. Она в высшей степени полезна для наших этнографических музеев. Вообще мне приходится только удивляться Вашей энергии и трудоспособности»³⁵. Поддерживал Миллер и намерение В.Н. Харузиной читать лекции по фольклору: «Уверен, что при Вашей обширной эрудиции в этнографии и фольклоре, Вы успешно справитесь с этой задачей и введете в изучение этой области новые точки зрения»³⁶. Миллер радуется успеху сестры любимого ученика. Он уверен, что ее новый курс по фольклору поможет «дальнейшему процветанию... этнографического курса»³⁷. Всеволод Федорович сообщает ей, что в Петербурге существует комиссия по составлению этнографических карт России и что мысль об объединении усилий московских и петербургских этнографов все больше захватывает ученых.

К сожалению, в архиве сохранилось всего лишь несколько писем, содержащих сведения о подготовке к печати лекций Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной и об отзывах на них. Лекции брата и сестры были первыми многотомными изданиями по этнографии. В них излагались определенные взгляды на ее развитие не только в России, но и на Западе, содержался большой конкретный материал по духовной и материальной культуре народов мира. В 1900 г. А.Н. Харузин и В.Н. Харузина готовят к публикации посмертное издание лекций брата, прочитанных им в разных учебных заведениях Москвы («Этнография». Вып. 1–4. СПб., 1901–1905).

Титанический труд проделала Вера Николаевна. На ее долю выпало не только редактирование всех четырех выпусков лекций брата (а это более 1500 стр.), но и составление списков источников и алфавитных указателей в конце каждой книги³⁸. Кроме того, в конце последнего четвертого выпуска она поместила свои ценнейшие «Материалы для библиографии этнографической литературы» (295 стр.). К сожалению, современные этнологи почти не используют эту уникальную библиографию, включающую 52 раздела.

В предисловии к первому выпуску лекций Н.Н. Харузина Алексей и Вера справедливо подчеркивают, что «лекции Н.Н. Харузина являются первым трудом на русском языке, приводящим в систему изучение этнографических явлений. Одна из особенностей, отличающих его от подобных трудов иностранных ученых, заключается во введении многочисленных фактов из жизни русского племени и наших инородцев»³⁹.

В первом выпуске Н.Н. Харузин дает краткий обзор иностранных источников (Э. Тайлор, Т. Вайц, Г. Герланд, А. Бастиан, Д. Фрезер, Як. Гримм и многие другие). Ему близка эволюционистская теория Э. Тайлора, полагавшего, что различия в быту и культуре разных народов объясняются неодинаковостью достигнутых ими ступеней развития. Н.Н. Харузин считал, что этнография выявляет законы, по которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры. Касаясь открытия М.М. Ковалевского, Н.Н. Миклухо-Маклая, С. Гмелина, С.П. Крашенинникова, опираясь на выводы А.Н. Пыпина, он приходит к более широкому обобщению. Этнография, по его мнению, – наука не книжная, она основана на знании быта, права, обычаев и верований народов. Как и его родные, он был уверен, что в России этнография имеет не только научное, но и общественное значение, ибо без знания народной жизни будет парализована всякая работа по ее устройению; этнография должна входить в число общеобразовательных современных знаний. Здесь он был более демократичен, чем его иностранные предшественники.

Об этом свидетельствует и отношение Н.Н. Харузина к М.М. Ковалевскому (1851–1916) не только как к видному ученому и профессору Московского университета, но и как к мыслителю, лично знакомому с К. Марксом и Ф. Энгельсом. За свои радикальные убеждения Ковалевский, изгнанный из университета, вынужден был в 1887 г. эмигрировать. В том же году в письме к В.Ф. Миллеру (июль 1887 г.) Н.Н. Харузин сокрушается по поводу судьбы Ковалевского: «Казалось на факультете все уже успокоилось и опасность миновала... Ведь М.М. (Ковалевский. – М.К.) – наиболее талантливый, блестящий, сильный двигатель науки...»⁴⁰. Связи с Харузиными не прекратились и после отъезда Ковалевского, обосновавшегося сначала в Стокгольме, а затем в Оксфорде. В письме от 1890 г. он благодарит своего коллегу и друга Николая за книгу, которую надеется получить в Оксфорде, где будет читать лекции по русскому обычному праву, поздравляет Веру с блестящим началом ее литературной деятельности⁴¹. Что касается трудов М.М. Ковалевского, то все они были использованы в четырех выпусках «Этнографии» Н.Н. Харузина. А в список источников второго выпуска, где рассматривается проблема «Семьи и рода», вошел и труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (пер. с нем. СПб., 1899).

После выхода в свет четырех выпусков «Этнографии» Н.Н. Харузина к В.Н. Харузиной посыпались десятки писем с просьбами прислать лекции ее брата. Писали ученые, корреспонденты и просто любители (в данной статье невозможно всех перечислить). А вот выдержки из нескольких рецензий все-таки стоит привести. Так, В.В. Богданов считал, что лекции Н.Н. Харузина в значительной мере «удовлетворяют потребности» в глубоком усвоении результатов западноевропейской науки, а также в разработке «общих вопросов этнографии... русскими научными силами, как ближе стоящими к огромному славянскому и инородческому населению Европейской и Азиатской России»⁴². А.С. Хаханов в газете «Курьер» за 1901 г. пишет: «Главное отличие этой работы от аналогичных трудов иностранных ученых заключается в введении многочисленных данных из жизни русского племени и русских инородцев, в особенности же сибирских»⁴³.

Огромный опыт, приобретенный Верой Николаевной при подготовке к печати лекций Николая, помог ей и при издании своих лекций, опубликованных в трех выпусках⁴⁴.

Отличительной особенностью ее лекций было соединение практического и теоретического начала в занятиях этнографией. Каждый этнограф, считала она, должен пройти научную подготовку. Что же касается практики, то В.Н. Харузина стремилась научить своих слушателей делать записи и составлять коллекции, развивать память, обращала их внимание на необходимость заранее готовиться к поездке:

уметь делать рисунки, фотосъемки, учитывать специфику религий, изучать местные предания и т.д.

Успех лекций В.Н. Харузиной был огромен. Об этом свидетельствуют письма академика А.А. Шахматова, историка Д.К. Зеленина, этнографов Н.М. Могилянско-го и Н.Ф. Сумцова, в которых содержится благодарность за присылку им ее лекций⁴⁵. Д.К. Зеленин писал В.Н. Харузиной в 1913 г., что ее лекции «всегда будут его настольной книгой»⁴⁶. В другом письме в 1914 г. он отмечал, что «энергия В.Н. Харузиной обогатила этнографическую литературу столь необходимыми обобщающими трудами»⁴⁷. Е.Н. Елеонская в статье, посвященной памяти В.Н. Харузиной, указывала, что «те, кто слушал эти лекции, хорошо помнили, какой богатый и разносторонний материал она давала; как просто и, в то же время, как отчетливо и строго научно Вера Николаевна его комментировала»⁴⁸. А В.В. Богданов подчеркивал, что «Этнография» В.Н. Харузиной – прекрасное «литературное пособие по этнографии, которое русскому читателю – этнографу дает и материал, и указания и руководство»⁴⁹. В основу лекций Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной легла огромная и скрупулезная работа по сбору и анализу разнообразных (книжных, экспедиционных, музейных, полевых) материалов, включавших все аспекты жизни народов России и мира.

Больше двух лет (1892–1893) Н.Н. и В.Н. Харузины проводят в Париже, Берлине, Лейпциге, Дрездене. С 1894 по 1911 г. Вера Николаевна уже одна вторично посещает Германию, Францию, Австрию с целью изучения музейных коллекций. В ОПИ ГИМ и РГАЛИ сохранилось множество писем-отчетов Николая Харузина, адресованных В.Ф. Миллеру. Они настолько интересны, что их стоило бы опубликовать отдельно. Здесь же мы ограничимся в основном их пересказом и отдельными выдержками. Цель Н.Н. и В.Н. Харузиных – придать как можно большую систематичность знаниям, уже накопленным в Москве, Ревеле (Таллин), а также в научных центрах других стран.

«В библиотеках Парижа, – писал Николай в 1892 г., – читаю этнографические сочинения общего характера и делаю выписки. В музеях, в первую очередь в Лувре, изучаю этнографические и археологические коллекции, делаю заметки и рисунки и, таким образом, постепенно прохожу наглядный курс этнографии», пополняя его домашним чтением. «Мне очень бы хотелось, многоуважаемый Всеволод Федорович, знать Ваше мнение насчет подобного рода занятий и мне было бы очень дорого, если бы Вы не отказались сообщить мне Ваши взгляды... и на что обратить внимание»⁵⁰.

В другом письме Николай жалуется Миллеру, что в Национальной библиотеке Парижа нет каталога по периодике, а ему хотелось бы знать заглавия важных книг, чтобы на них написать рецензии в «Этнографическое обозрение», благодарит своего учителя, которому беспредельно предан, и справляется о его здоровье⁵¹. Очень подробно Н.Н. Харузин сообщает о лекциях по этнографии и первобытной истории, Р.-А. Бланшара, Ш. Летурно, Г. Мортилье (Ecole d' Antropologie), о знакомстве с Р.-А. Бланшаром, Ш. Летурно, А.-Ж.-Б. Бартелеми, М. Роландом и другими учеными, и о штудировании книг Г. Спенсера, Э. Тайлора, Дж. Мак-Леннана, Л.Г. Моргана по общим вопросам. Кроме того, Николай принимал участие в занятиях Общества французских антикваров (Société National des Antiquaires de France), где в январе 1893 г. выступил с докладом о новейших взглядах на культуру курганного периода Центральной России, за который был удостоен серебряного жетона. «Здесь вообще удивительно мало знают Россию, русскую научную литературу»⁵². Что же касается общего впечатления от положения этнографии во Франции, то «ее все же не считают наукой, полноправной с другими, здесь она тоже голодает, как и у нас, даже, пожалуй, хуже». «А журнал «Melusine» еле держится»⁵³. Николай мечтает: «Что бы вышло из нашего Отдела, если бы мы разбогатели, выиграли бы примерно тысячу 200?! Ох, хорошо было бы!... Однако французы изучают русский язык и сетуют на то, что теперь, когда русская наука играет столь видную роль, мы не печатаем наших трудов на европейских языках»⁵⁴.

Помимо обучения за границей Николаю Харузину очень много дали экспедиции по России. Всего он участвовал в 10 экспедициях, инициатором которых чаще всего

был Миллер (с 1886 по 1896 г.). С энтузиазмом готовился Николай Харузин к этнографическим экспедициям, хотя работа по подготовке к ним занимала много времени. «Но это время, впрочем, не считаю потерянным, – писал он в письме к сестре Елене в 1898 г. – Хоть одним принесешь маленькую пользу и науке и родине, тогда больше будет лиц, которые будут изучать этнографию как специальность, конечно, так сказать практически, путем личного знакомства с тем или другим народом, они будут сознательней относиться к народной жизни...»⁵⁵.

В 1881 г. В.Ф. Миллер, ставший председателем Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, привлекает к работе общества М.М. Ковалевского, известных московских юристов А.П. Чупрова, С.А. Муромцева, Н.О. Нерсесова и молодого этнографа-юриста Н.Н. Харузина. Студентом второго курса юридического факультета Николай Харузин в 1886 г. участвует в археологической экспедиции Миллера, посещает вместе с ним горные районы Чечни, Ингушетии, Осетии, Балкарии, проявляя глубокий интерес к быту и культуре горцев. Параллельно он собирает материалы по обычному праву, записывает сказки, предания. Результатом этой поездки явились его работы «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей»⁵⁶, «Сказки, записанные в ингушском ауле Цори»⁵⁷ и «По горам Северного Кавказа»⁵⁸. В последней статье очень точно охарактеризованы особенности каждого народа, его обычаи и фольклор.

Мы уже говорили, что под руководством Миллера при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ образовалась целая группа молодых ученых, занимавшихся изучением нерусских народов Российской империи. Это было прогрессивное начинание, в котором приняли участие все Харузины.

В 1886 г. перед поездкой на Кавказ Миллер с большой группой своих учеников едет в Крым на раскопки древних могильников. Его главным помощником и в Крыму и на Кавказе был Н.Н. Харузин. О нем Миллер писал: «В течение трехмесячной поездки я близко сошелся с ним и мог на деле убедиться в его глубоком интересе к науке и замечательной работоспособности... он был мне самым полезным помощником при раскопках в Чечне, Осетии и в Крыму (в Алуште)»⁵⁹.

Из переписки В.Ф. Миллера и Н.Н. Харузина видно, как близок был учителю по уму настроению, любви к науке, по искренней привязанности его любимый ученик. Николай Николаевич не скрывает от учителя состояние своего здоровья, часто пишет ему о своих недугах, о которых, может быть, не говорил даже своим родным⁶⁰. Об этом сохранилось много его писем.

Летом 1887 г. ИОЛЕАЭ командирует Н.Н. Харузина в Олонецкую губ. и Кольский у. Архангельской губ.⁶¹ Результатом экспедиции стала уже упоминавшаяся ранее обстоятельная монография «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта» (М., 1890)⁶². Работа Харузина изобиловала сравнениями русских и скандинавских лопарей (саамов), сведениями из древних источников. Большое внимание автор уделяет расселению и происхождению лопарей, принятию ими христианства. В монографии общим объемом 427 стр. широко представлены материальный быт (пища, одежда, жилище, занятия охотой и рыбной ловлей), а также семейные обычаи и общинные устои, пережитки древних верований, народное творчество. В предисловии к своей книге Н.Н. Харузин приносит благодарность Д.Н. Анучину, В.Ф. Миллеру, П.Н. Милюкову, В.М. Михайловскому, священнику С.П. Щеколдину за советы и реальную помощь.

Николая в этой экспедиции сопровождала Вера. По собранным ею материалам она написала две ценные работы: «На Севере. Путевые воспоминания» (М., 1890) и «Лопари» (СПб., 1902). В них живо и образно нарисованы многие детали, неизвестные русским читателям, – черты быта, обычаев и обрядов лопарей и других народов Севера.

В письмах Харузиных к разным лицам и ответах на них содержится множество сведений о подготовке одного из главных трудов Н.Н. Харузина «Русские лопари». Он тщательно отшлифовывал и проверял свою рукопись. В дневниках В.Н. Харузиной сохранились записи о том, как по вечерам Николай зачитывал всем членам семьи отрывки из своей книги и просил делать замечания. «По-моему, очень хорошо!» – от-

звалась Вера⁶³. Делился Николай ходом своей работы и с Миллером. В 1889 г. он пишет ему из Черниговской губ., где собирал этнографические коллекции по поручению Исторического музея: «Размеров "Лопарей" не могу себе предсказать. Лично мне приятно сознавать себя здоровым, способным работать без чрезмерного возбуждения, за которым следовала всегда страшная апатия. Этого сейчас нет. Работа идет спокойно, твердо и неуклонно. Этнографией заниматься (в смысле расспросов) не могу. Однако обещаю Вам сделать описание одежды и поиски по остаткам древнего одеяния – я сделаю непременно и отчасти уже сделал»⁶⁴.

В архивах имеется множество писем В.Ф. Миллеру, Вере, Елене, Николаю Харузиным от разных лиц, в том числе от корреспондентов, собиравших для Николая сведения о лопарях (например, статистические материалы – см.: письма священника С.П. Щеколдина из Пудожского у. за 1887–1893 гг.)⁶⁵. Много времени провел в Лапландии и сам Николай Харузин, стараясь как можно глубже отразить все стороны жизни русских, шведских, норвежских лопарей, начиная с древности и до конца XIX в.

В июне 1889 г. Н.Н. Харузин пишет Вере в Люцерн из подмосковного Архангельского, где он уединился для завершения работы над рукописью: «Лопарочка, миленькая моя!... Про твоих соплеменников лопарей пишу каждый день, кончил очерк верований, перешел к семейному быту их, в настоящее время сижу на свадьбе, думаю кончу или почти кончу к приезду в Москву. Печатать придется с конца сентября. Выйдет, думаю, листов 25 печатных»⁶⁶.

В.Ф. Миллер неоднократно проявлял интерес к работе Н.Н. Харузина в Лапландии и других местах: «Ваши этнографические работы, и особенно о лопарях могут в глазах всех служить достаточным оправданием Вашему годичному отдыху» (в 1890 г. Н.Н. Харузин был серьезно болен)⁶⁷. В день выхода «Лопарей» (25 января 1890 г.) Вера пишет в своем дневнике: «Вчера утром вышли в свет Колины Лопари, и я была счастлива, счастлива. Это что-то колоссальное!»⁶⁸. В 1893 г. А.Д. Солодовников советует Николаю: «Твои Лопари изданы на твои средства, и я предлагаю дать их на реализацию Суворину, Карбасникову со скидкой в 75% для продажи»⁶⁹.

Вторая совместная экспедиция Николая и Веры Харузиных в 1887 г. состоялась в Сарапульский у. Вятской губ. Ранее, в 1882 г., туда же ездил Михаил Харузин.

В переписке Харузиных с разными лицами содержится ряд сведений об этой экспедиции. Это прежде всего письма от разных корреспондентов – священников и учителей по поводу сбора информации, предметов быта, икон и т.д. В архиве хранится множество писем от этнографа В.П. Тихонова, который в 1892 г. по заданию Н.Н. Харузина собирал этнографический материал и предметы быта в Сарапуле и посылал ему описи вещей, отправленных в Москву⁷⁰. В 1894 г. Тихонов пишет, что готовит работу о жилище и по демонологии (культ черта) в Сарапульском у. для сборника материалов «О быте крестьян в Вятской губернии» и просит Николая быть его редактором, а также сообщает, что им собран очень большой материал по обычному праву в Вятской губернии по программе, разработанной М.Н. Харузиным («Программа для собирания сведений об юридических обычаях». М., 1887)⁷¹.

В.П. Тихонов тесно сотрудничал с Н.Н. и В.Н. Харузиными, следил за их творческой деятельностью (например, опубликовал отзывы о сказочной повести В.Н. Харузиной «Царевна – каменное сердечко» (СПб., 1899) и о работе «Очерки первобытного права. Семья и род» Н.Н. Харузина (Вып. 1. М., 1898)⁷². При содействии Н.Н. Харузина в 1891 г. ему была присуждена медаль, и в том же году он стал действительным членом ИОЛЕАЭ.

При жизни Н.Н. Харузина основной поток писем по разным проблемам этнографии шел к нему от этнографов – А.Д. Солодовникова, П.М. Богданова, Е.И. Якушкина, Н.А. Иваницкого, П.А. Висковатова, С.Я. Дерунова, П.И. Астрова и многих других. Это письма о присылке статей и экспонатов, уведомления о новых изданиях и главное – просьбы посоветовать, помочь в написании статей и сборе этнографической информации.

В связи с ранней кончиной Николая из России и из-за рубежа к Харузиным пришло очень много писем и открыток с выражением соболезнований – от Н.А. Крылова, В.Б. Акимова, М.Н. Сперанского, Т.А. Лебединского, М.К. Тенишевой, Н.Н. Бронникова, М.А. Атамановой, Г.А. Кожевникова, А.В. Киселева, Е.Н. Елеонской, Н.М. Могиланского, А.В. Средина, Г. Игельстрома и многих других. После 1900 г. переписку с коллегами и друзьями продолжает В.Н. Харузина, которую ценят и любят.

Научная деятельность Харузиных была известна не только в России, но и в зарубежных странах. И если переписка Михаила и Алексея Харузиных, найденная нами, не очень обширна, то это объясняется, вероятно, тем, что научную деятельность они сочетали с государственной службой, и поэтому их писем научного характера в архиве имеется крайне мало. Николай в отличие от братьев был чрезвычайно активен, отзывчив и обязателен. Именно к нему в 1892 г. обращается крупнейший чешский антрополог, археолог и этнограф Любор Нидерле, с просьбой оказать содействие для посещения России – он хотел бы поработать в музее этнографии и библиотеке Академии наук в Петербурге, а также совершить поездку в Крым и на Кавказ. Желание Нидерле осуществляется: в августе–сентябре 1893 г. он уже в Петербурге и Москве⁷³. Связь с Л. Нидерле на этом не прерывается. В июле 1898 г. он сообщает Николаю о готовящейся монографии «Славянские древности» (*Niederle L. Slovanské starožitnosti. Díl. 1–3. Pr., 1902–1919*), которая после выхода в свет пользовалась в России и Западной Европе огромным успехом. В другом письме (5 мая 1898 г.) он просит прислать ему в Прагу книгу «Русские древности» (Т. 5. СПб., 1897) и «Труды археологического съезда в Вильне» (1897). К письму от 2 июля 1898 г. Нидерле прилагает аннотацию нового журнала «Вестник славянских древностей», который с 1898 г. издавался в Праге⁷⁴.

В архиве сохранились письма известного польского этнографа Бронислава Пилсудского (1866–1918) к В.Н. Харузиной. В студенческие годы он вместе с А.И. Ульяновым участвовал в борьбе партии «Народная воля» с царизмом, за что был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами на Сахалине. В 1896 г. Пилсудский и Л.Я. Штернберг открыли на Сахалине музей, где были представлены более тысячи экспонатов. Коллекция Бр. Пилсудского в 1900 г. была послана в Париж на Всемирную выставку. А.П. Чехов помогал ему собирать книги для сахалинской библиотеки. В 1903 г. ИРГО наградило Пилсудского малой серебряной медалью за коллекцию, собранную у айнов Сахалина. Освободившись, он едет в Японию и другие страны. В начале Первой мировой войны Пилсудский живет в Париже, где его настигает смерть. Он автор шести томов научных трудов. Переписка с В.Н. Харузиной относится к 1912–1913 гг. В письмах из Польши он благодарит Веру Николаевну за заочное знакомство с В.Ф. Миллером, который проявил к нему большое внимание; сообщает, что на Верину статью «Отчет о летней поездке в Германию», где идет речь о немецких этнографических музеях, написал рецензию для журнала «Lud», издаваемого во Львове; восторженно отзываясь о работе Веры «Игрушечка. Ее история и значение» и особенно «О почитании огня» (приложенную к последней программу хочет распространить в Польше)⁷⁵. В других письмах Бр. Пилсудский просит подсказать литературу по теме «Отношение человека к воде», по которой он хотел собирать материал среди гуцулов Карпат, а также по семейным обычаям⁷⁶; рассказывает об интересе к этнографии Сибири и о планах создания сети этнографических станций для изучения народов Севера⁷⁷.

Нельзя обойти вниманием письма и записки А.А. Фета (1881–1886) к М.Н. Харузину, с которым великого поэта и переводчика связывали тесные дружеские отношения⁷⁸. Здесь и личные поздравления, и приглашения на обед в имение Фета – Воробьевку, и просьба о приобретении нужных Фету книг в магазине Вебера, извещение о бракосочетании с М.П. Шеншиной (урожденная Боткина), о переводах из Горация и «Фауста» Гете, благодарность Михаилу Харузину за помощь в переводах с немецкого языка. Подписывался А.А. Фет обычно «Ваш А. Шеншин». В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранилось четыре письма Ми-

хаила Харузина к Фету (1881–1883). Они представляют собой живописные этнографические зарисовки о вотяках (удмуртах) и других народах Сарапульского у. Вятской губ. Михаил делится своими впечатлениями о поездке в 1882 г. на Ижевский оружейный завод. Письма свидетельствуют о прекрасном слого Михаила, его наблюдательности и юморе. Занятно описывает он детали крестьянского досуга черемисов (марийцев), башкир, татар (песни, праздники), их хозяйственный быт, пивоварение⁷⁹.

Переписка А.А. Фета и М.Н. Харузина представляет безусловный интерес для понимания мировоззренческих позиций последнего, его литературных пристрастий и биографии. К сожалению, эти письма до сих пор не исследовались⁸⁰.

Славянофильские симпатии М.Н. Харузина свели его в Москве с болгаринном Бояном Боевым – юристом и экономистом, впоследствии членом-корреспондентом Болгарской Академии наук. Переписка с ним М.Н. Харузина, Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной посвящена главным образом Болгарии, ее освободительному движению от османского ига, единению славянских народов и др.⁸¹ Эти письма, а также письма к Г.А. Рачинскому – философу, председателю Общества свободной эстетики – в основном частного характера будут представлены в наших дальнейших исследованиях.

Во время Кавказских экспедиций Харузины приобрели еще одного друга – известного дагестанского этнографа и правоведа Башира Далгата, впоследствии ставшего членом ИОЛЕАЭ и ИРГО. Будучи тесно связан по работе с В.Ф. Миллером, он занимался северокавказским эпосом и обычным правом чеченцев, ингушей и других народов Кавказа. В 1887 г. Далгат сообщает Н.Н. Харузину, что уже написал ответы по 16 главам этнографической программы (главным образом по Дагестану) и просит у него советов⁸².

Любопытно письмо А.О. Гейкеля из Гельсингфорса от 1895 г., в котором он благодарит Н.Н. Харузина за присланные «Очерки истории жилища у финнов» и считает их совершенными⁸³.

Итак, эпистолярное наследие Харузиных, недавно открытое нами в связи с изучением жизни и творчества этих полузабытых ученых и публикацией первых серьезных исследований о них, настолько обширно и разнообразно, что его трудно представить в рамках небольшой статьи. К сожалению, ни одно письмо к Харузиным или от них до сих пор не анализировалось. А ведь переписка, особенно научного характера, дает очень много для понимания в целом творческого наследия этой уникальной семьи из четырех этнографов. Она свидетельствует о том, что Харузины всегда были в центре научной жизни России и зарубежья и преданно служили своей науке. «...И вот в чем велико значение этнографии, – писала В.Н. Харузина, – этнография местная, изучение одного народа, дает нам глубокое, настоящее познание его, – потому что нельзя ни управлять народом, ни служить ему, ни воевать с ним, ни иметь с ним торговые и иные сношения, не зная всего того, что составляет основы его жизни, его самобытности, его веру, его вкусы и идеалы. Но этнография общая вводит эту народность в круг других народов. Наука этнография, изучая отдельные народы, имеет всегда перед собой великое целое – человечество. Она классифицирует явления, принадлежащие отдельным ветвям его, но изучает общие законы его развития»⁸⁴.

Думается, что под этими замечательными размышлениями подписался бы каждый современный российский этнолог.

Примечания

¹ Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. М., 1999. С. 106, 109 (Сер. «Россия в мемуарах»).

² Там же. С. 467.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 323. Оп. 1. Д. 30. Л. 4 об. – Материалы и проект речи В.Ф. Миллера к 25-летию Московского этнографического общества и выборов его в председатели Этнографического отдела общества (ИОЛЕАЭ).

⁴ «Этнографическое обозрение» издавалось ИОЛЕАЭ при Московском университете (с 1889 по 1916 г. вышло 100 книг, по четыре книги в год).

- ⁵ Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования. Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ // Очерки истории русской этнографии, фольклора и антропологии. Вып. V. М., 1971. С. 121.
- ⁶ Харузин Н.Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. I-IV. СПб., 1901-1905.
- ⁷ Харузина В.Н. Историческое развитие этнографии. Вступительная лекция к курсу этнографии, прочитанная на Высших женских курсах в Москве 9 октября 1907 г. М., 1907. С. 14.
- ⁸ Харузина В.Н. Прошлое... С. 18.
- ⁹ Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. I. М., 1999. См. также: Керимова М.М., Наумова О.Б. Архив А.Н. Харузина в библиотеке МГУ // Вестн. архивиста. 2000. № 5-6; 2001, № 2.
- ¹⁰ Ознева И.Е. (в первом браке Харузина – жена О.А. Харузина). Воспоминания. (Рукопись. Хранится в личном архиве Е.П. Крюковой).
- ¹¹ Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1889. Кн. 2. С. 175.
- ¹² Пытин А.Н. Рец. на кн.: А. Харузин. Босния–Герцеговина. // Вестн. Европы. 1901. Т. II. № 3. С. 402.
- ¹³ Зеленин Д.К. Рец. на кн.: Харузин А.Н. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ. Вильна, 1907 // Истор. вестн. 1908. № 4. С. 353.
- ¹⁴ Сведения получены из Центрального архива Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.
- ¹⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 451. Д. 7, л. 97.
- ¹⁶ Там же. Л. 117 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 118 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 81. Д. 15. Л. 19 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 98. Л. 2 об.
- ²⁰ Там же. Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 15. Л. 79 об.
- ²² Там же. Д. 58. Л. 10 об.
- ²³ Там же. Д. 102. Л. 64.
- ²⁴ Там же. Д. 19. Л. 1-2.
- ²⁵ Там же. Д. 37. Л. 70.
- ²⁶ Там же. Д. 11. Л. 15 об, 28 об.
- ²⁷ Там же. Л. 31.
- ²⁸ Там же. Л. 32.
- ²⁹ Там же. Л. 111 об.
- ³⁰ Там же. Д. 102. Л. 77 об.
- ³¹ Там же. Л. 104.
- ³² Там же. Л. 25.
- ³³ Там же. Л. 38.
- ³⁴ Там же. Д. 35. Л. 92, 92 об.
- ³⁵ Там же. Д. 37. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Д. 38. Л. 112 об.
- ³⁷ Там же. Л. 115 об.
- ³⁸ А.Н. Харузин составлял алфавитный указатель имен и предметов только в первом выпуске «Этнографии».
- ³⁹ Харузин Н.Н. Этнография. Вып. I. СПб., 1901. От редакторов. С. IV.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 323. Д. 429. Л. 7.
- ⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 17. Л. 107.
- ⁴² Богданов В.В. Рец. на кн.: Н. Харузин. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. IV. СПб., 1905 // ЭО. 1906. № 1-2. С. 145. См. также: Яцимирский А.И. Рец. на кн.: Н. Харузин. Этнография. Семья и род. Вып. II. СПб., 1903 // Живая старина. 1903. Вып. 4. Год. 13. С. 464.
- ⁴³ Хаханов А. Некролог. Н.Н. Харузин // Курьер. 1901. № 264.
- ⁴⁴ Харузина В.Н. Этнография. Вып. I. Введение. Верования малокультурных народов. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах в Москве. М., 1909. 557 с.; Она же. Вып. II. Приемы изучения явлений материальной культуры. Жилище. Одежда, Украшения. Пища. Курс лекций в Московском археологическом институте имени Николая II. М., 1914. 467 с.; Она же. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара / Под ред. А.М. Золотарева. М., 1941. 178 с.
- ⁴⁵ В небольшой статье невозможно дать выдержки из них. Первоначально лекции В.Н. Харузиной вошли в списки, потом были изданы литографическим способом и лишь затем опубликованы.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 39. Л. 55.

- ⁴⁷ Там же. Д. 44. Л. 56.
- ⁴⁸ *Елеонская Е.Н.* В.Н. Харузина // СЭ. 1931. № 1–2. С. 54.
- ⁴⁹ *Богданов В.В.* Рец. на кн.: В. Харузина. Этнография. Вып. 1 // ЭО. 1909. № 2–3. С. 226.
- ⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 451. Д. 7. Л. 92.
- ⁵¹ Там же. Л. 94–94 об.
- ⁵² Там же. Л. 99–100 об.
- ⁵³ Там же. Л. 104.
- ⁵⁴ Там же. Л. 105.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 81. Д. 102. Л. 83.
- ⁵⁶ *Харузин Н.Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сб. материалов по этнографии. Вып. III. 1888. С. 115–142.
- ⁵⁷ *Харузин Н.Н.* Сказки, записанные в ингушском ауле Цори // Там же. С. 140–154.
- ⁵⁸ *Харузин Н.Н.* По горам Северного Кавказа // Вестн. Европы. 1888. Кн. X, XI.
- ⁵⁹ *Миллер В.Ф.* Николай Николаевич Харузин // ЭО. 1900. № 2.
- ⁶⁰ См.: *Калоев Б.А.* В.Ф. Миллер – кавказовед. Орджоникидзе. 1963. С. 167.
- ⁶¹ Эту экспедицию частично субсидировал друг Харузина рыбопромышленник Н.А. Крылов, ездивший вместе с Н.Н. и В.Н. Харузиными.
- ⁶² Высоко оценил монографию Н.Н. Харузина «Русские лопари» известный этнограф и антрополог Д.А. Анучин. См.: ЭО. 1890. № 1. С. 206–213.
- ⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 58. Л. 7 об.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 451. Д. 7. Л. 73 об., 74.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 81. Д. 7. Л. 7–60.
- ⁶⁶ Там же. Д. 104. Л. 43.
- ⁶⁷ Там же. Д. 17. Л. 170–171.
- ⁶⁸ Там же. Д. 58. Л. 41 об.
- ⁶⁹ Там же. Д. 5. Л. 3–4.
- ⁷⁰ Там же. Д. 5. Л. 135; Д. 6. Л. 1–10.
- ⁷¹ Там же. Д. 8. Л. 185 об., 191 об.
- ⁷² Там же. Д. 21. Л. 102.
- ⁷³ Там же. Д. 6. Л. 50, 110.
- ⁷⁴ Там же. Д. 19. Л. 40.
- ⁷⁵ Там же. Д. 38. Л. 68.
- ⁷⁶ Там же. Д. 37. Л. 50.
- ⁷⁷ Там же. Д. 38. Л. 16, 127, 133 об.
- ⁷⁸ Там же. Д. 99. Л. 1–30.
- ⁷⁹ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (ОРРГБ). Ф. 315. Картон 12. Д. 21.
- ⁸⁰ О дружбе М.Н. Харузина с А.А. Фетом написаны лишь тезисы доклада. См.: *Иваикина С.Е.* Михаил Харузин – новое лицо в окружении А.А. Фета // А.А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Матер. докл. к XII Фетовским чтениям 1997 г. в г. Курск. Курск, 1997.
- ⁸¹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 5. Л. 70; Д. 24. Л. 67, 135.
- ⁸² Там же. Д. 17. Л. 97, 113, 119–120.
- ⁸³ Там же. Л. 136 об.
- ⁸⁴ *Харузина В.Н.* Историческое развитие этнографии. М., 1907. С. 16.

M.M. K e r i m o v a. The Kharuzins' Family and Its Ethnographic Epistolary Heritage

Letters, concerning academic and research issues, written by gifted Russian ethnographers Kharuzins (brothers Alexei Nikolayevich 1864–1932, Nikolai Nikolayevich 1865–1900, Mikhail Nikolayevich 1860–1888, and their sister Vera Nikolayevna 1866–1931) are the object of the article. Extensive correspondence of the Kharuzins with Russian and foreign scholars, which has been found by the author at the Department of written sources of the State Historical Museum (fund 81 – the Kharuzins; fund 451 – V.F. Miller) and in the Russian State Archive of the Literature and Arts (RGALI) has not been previously published. It covers a period from 1873 to 1920.

Among the addressees of Kharuzins there such were outstanding Russian and foreign scholars and artists as M.M. Kovalevsky, V.F. Miller, D.K. Zelenin, M.K. Tennisheva, M.N. Speransky, A.A. Shakhmatov, I.E. Zabelin, A.A. Fet, B.K. Dalgat, E.V. Bogayevsky, E.N. Yeleonskaya, E.D. Shakhovskaya, A.V. Sredin, L. Niderle, B. Pilsudski, B. Boyev and many others. The epistolary heritage of Kharuzins enables the author to provide better descriptions of their research projects, lecturing and executive activities, as well as of their broad ties with scholars from the West. This is an important source on the history and development of the Russian ethnography of the last third of the XIXth and beginning of the XXth cc.